

Глава 419. Боль. Глядя на Линь Чуцзю

Линь Чуцзю изначально планировала проводить Сяо Тяньяо из столицы, а потом вернуться назад. Однако карета проехала далеко за пределы столицы, и Сяо Тяньяо ее не остановил.

- Ванъе, куда мы едем? - Линь Чуцзю посмотрела на Сяо Тяньяо, который сидел напротив нее. Когда Сяо Тяньяо сажился в карету, он сел не рядом с ней, а напротив Линь Чуцзю.

- Когда приедешь, узнаешь. Можешь немного поспать, если устала, - сказал Сяо Тяньяо и сделал жест, чтобы Линь Чуцзю села рядом с ним. Линь Чуцзю молча поглядела на длинные ноги Сяо Тяньяо и покачала головой:

- Я не устала, - ей было скучно, и она даже не знала, куда они едут.

- Раз ты не устала, ты составишь мне компанию в игре, - Сяо Тяньяо достал шахматную доску из потайного шкафчика. Глаза Линь Чуцзю потрясенно распахнулись:

- Почему в каждой карете есть шахматная доска?

- Я приказал слугам положить их туда, а что? Тебе не нравится? - Сяо Тяньяо поставил доску перед Линь Чуцзю. - Я поддамся тебе десять раз.

Сяо Тяньяо не дал Линь Чуцзю шанса отказаться, и игра будет идти много раундов. Линь Чуцзю скорчила кислую мину:

- Даже если ты поддашься мне сто раз, я не смогу выиграть.

- Это бесполезно, - Линь Чуцзю метнул сердитый взгляд на Линь Чуцзю и сделал жест, чтобы она поторапливалась.

- Это не имеет никакого отношения к успеху, тут дело в силе, - Линь Чуцзю не могла не вспомнить слова, которые Сяо Тяньяо говорил ей в прошлый раз, и поставила фигуру на доску.

- Ты, наконец-то, поняла, что у тебя не хватает сил?

Что ж, по крайней мере, у нее появилось немного самосознания.

Линь Чуцзю чуть не поперхнулась. Она имела в виду не это. Когда он перестанет быть таким бессердечным? Зачем, черт возьми, он вообще вернулся? Он не сказал ей ни слова утешения, ни слова заботы. А теперь он говорит, что она глупая и бестолковая.

Линь Чуцзю стиснула зубы и, взяв фигуру, хорошенько подумала, прежде чем поставить ее на доску. Даже если она проиграет, она не могла сделать это слишком глупо. Линь Чуцзю, которая играла серьезно, не видела, что улыбка ни разу не исчезла из глаз Сяо Тяньяо. Если бы она это увидела, она бы рассердилась, в конце концов...

Сяо Тяньяо всего лишь играл с ней.

Черные и белые фигурки выстраивались в линию одна за другой. Прошел лишь первый раунд, но игра была еще не окончена. Однако для Линь Чуцзю она становилась все труднее и труднее.

Почему ей было некуда ходить? Почему она лишь окружила себя?

Однако Сяо Тяньяо стоял перед еще более сложной дилеммой.

Он изо всех сил пытался не использовать свой мозг. Он изо всех сил пытался идти на компромисс. Он больше не мог поддаваться...

Игра в шахматы с дураком может поистине иссушить мозг. Сяо Тяньяо казалось, что он издевается над собой.

К счастью, охранник снаружи кареты спас его:

– Ванъе, мы приехали.

– Забудь об этом! – в результате, Линь Чуцзю заговорила первой и вышла раньше Сяо Тяньяо. Как будто играть в шахматы с Сяо Тяньяо было адом, но Богу известно, что тем, кто страдал больше, был Сяо Тяньяо.

Они оба вышли из кареты, Линь Чуцзю была потрясена, когда увидела странный, но знакомый пейзаж.

– Зачем ты привез меня сюда?

Вокруг не было ничего, дорога была очень просторной, и мимо ходило очень мало людей. Был, несомненно, день, но температура была очень низкой. Особенно не так далеко в горах казалось, будто солнце вообще не светит.

Да, Сяо Тяньяо привел Линь Чуцзю к могильной горе, и фамильная усыпальница семьи Мэн тоже была здесь. Линь Чуцзю была здесь не так давно, так что это место было ей хорошо знакомо.

– Я еще не проводил госпожу Мэн. Теперь, когда я вернулся, я пришел отдать ей дань уважения, – сказал Сяо Тяньяо и повел Линь Чуцзю к могиле.

– Спасибо... – Линь Чуцзю открыла рот, но Сяо Тяньяо прервал ее:

– Мы с тобой муж и жена, тебе ни к чему меня благодарить, – сказал он, будто о военном задании, в его словах не было ни следа теплоты. Линь Чуцзю не знала, что сказать, поэтому промолчала.

Стражники были очень умными, они приготовили свечи и бумажные деньги заранее. Поскольку Сяо Тяньяо не любил заниматься такими вещами, стража позаботилась обо всей работе.

У захоронения семьи Мэн были назначенные охранники. Увидев Линь Чуцзю, они машинально показали Линь Чуцзю дорогу, совершенно не дав Сяо Тяньяо шанса покрасоваться своим положением.

Мэн Лаофужэнь была похоронена недавно. Ее могила была еще свежей, а ее надгробие – чистым и не запылившимся.

После многих дней скорби Линь Чуцзю, наконец, смирилась со смертью Мэн Лаофужэнь.

Линь Чуцзю шагнула вперед и положила свое подношение перед надгробием:

– Бабушка, я снова пришла навестить тебя. Я знаю, что ты меня не покинешь, но ты можешь

быть уверена, что я о себе позабочусь. Ты можешь обо мне не волноваться. Тебе также незачем беспокоиться о дядях и других членах семьи, раньше ты защищала меня, а теперь я буду защищать их. Бабушка, я пришла к тебе сегодня не одна. Ванье тоже хочет навестить себя. Он не пришел проводить тебя на твоих похоронах. Если ты сердишься на него, то можешь сердиться, я буду на твоей стороне и не стану жалеть его. Бабушка, видишь ли... ванье очень добр ко мне. Когда он узнал, что с тобой случилось несчастье, он поспешил назад, не обращая внимания на волю императора. Хотя такое поведение глупо и недостойно похвалы, таково было веление его сердца. В конце концов, я не могу требовать от него много, разве это не...

Сначала Линь Чуцзю говорила вполне серьезно, но позже вся тема разговора сменилась. Сяо Тяньяо, которого не замечали, помрачнел. Почему это от него нельзя требовать многого?

У кого низкие требования? Это же он ничего не требовал от Линь Чуцзю, верно?

Сяо Тяньяо посмотрел на Линь Чуцзю, а потом перевел взгляд на надгробие госпожи Мэн. В итоге, он так и не заговорил, даже когда Линь Чуцзю порочила его репутацию.

- Бабушка, видишь ли... Я только что сказала, что не могу многого просить от ванье. Он холодный и надменный. Он ничего не говорит. Окружающие, несомненно, не любят его из-за этого. Посмотри на него... он даже не ищет оправданий».

Стражники позади них не могли сдержать смеха. До сего дня они не видели, чтобы кто-нибудь так забавно посещал могилу.

Однако это было и хорошо. Люди умирают, и, если бы родственники умерших вечно были слепо погружены в печаль, покойники не могли бы уйти с миром.

- Бабушка, ванье сегодня уедет на войну. Если дедушка с тобой на небесах, пожалуйста, попроси его благословить ванье, чтобы он смог одержать победу и вернуться поскорее. Когда он вернется, я возьму его с собой и снова навещу тебя.

Линь Чуцзю сказала много слов перед могилой Мэн Лаофужэнь, и большая их часть на самом деле предназначалась Сяо Тяньяо.

Линь Чуцзю была уверена, что Сяо Тяньяо понял, что она имела в виду. Сяо Тяньяо и правда понял, потому он и не перебивал ее слов, хотя ему и казалось, что Линь Чуцзю просто говорит чепуху.

После долгой речи Линь Чуцзю, наконец, замолчала и, поскольку у нее во рту пересохло, она дала Сяо Тяньяо возможность заговорить.

Сяо Тяньяо шагнул вперед и взял у стражника ладан. Он не встал на колени, он стоял там и трижды вознес хвалу.

- Пожилая госпожа, я позабочусь о Линь Чуцзю.

После этого он вставил ладан в лампадку перед надгробием и просто поклонился.

- Идем, - Сяо Тяньяо протянул Линь Чуцзю руку, подав знак, что они уходят.

Линь Чуцзю посмотрела на Сяо Тяньяо и взяла его за руку, позволяя ему увести себя.

- Ванье, спасибо тебе.

Она знала, что Сяо Тяньяо предпринял эту поездку только ради нее. Иначе этот человек никогда бы такого не сделал.

Сяо Тяньяо посмотрел на Линь Чуцзю и тихо сказал:

- Мы муж и жена, тебе ни к чему меня благодарить.

В эти несколько часов Линь Чуцзю была поистине счастлива...

<http://tl.rulate.ru/book/2902/695911>